

«Потому что не петь не могу...»

«В одной передаче по радио принимала участие Татьяна. Фамилии ее мы не слышали. Она исполнила романсы «Не говорите мне о нем», «Отговорила роща золотая». Очень просим, дорогая редакция, повторить передачу. Татьяна покорила нас чудесным голосом и прекрасным, задушевым исполнением. С уважением **Е. СТРУКОВ, Е. МАСЛЕННИКОВА**, Москва, М. Калитниковская, д. 5, кв. 1».

«Можно ли таить такой талант? Как мягко, мелодично и вместе с тем полно, бесконечно лился ваш чудесный голос». Это уже из другого письма. Их немало, благодарных писем, спутников популярности.

...На первую полочку купила Татьяна двухтомник Шалапина. Спустя несколько лет она пела перед его сыном, и тот, растроганный и очарованный, оставил на ее нотах запись: «Таня Журавичка! Спасибо за чудное пение. С лучшими пожеланиями, Борис Шалапин».

В тот день Татьяна, простуженная и усталая, вернулась с малышом из Кольчугина, где гостила у мамы. В ЦДРИ праздновали двухсотлетие Большого театра, приехали дети Шалапина. Пели профессионалы — люстры дрожали. Народная филармония подготовила дуэт, «первый голос» заболел, и Татьяна одна, в легком концертном платье, оба отделения простояла за кулисами, дрожа от холода и страха.

Ее объявили последней. «Мы вышли в сад...» — начала Таня и тут же забыла про свои страхи, простуду, волнения. Потом — тишина — и грохот аплодисментов.

Этот романс очень любили в семье Шалапиных.

Петь ей была не судьба. Маленький городок Кольчугин под Владимиром, без музыкальной школы и прочих очагов культуры, городок, куда во время войны мама-врач вывезла эшелон раненых из-под Ленинграда, к вокалу не располагал. Временное пристанище стало домом: отец

погиб, родных не осталось.

Мама хорошо пела, гости любили ее слушать. А Таня бунтовала: обычно все кончалось ревом. Какие таинственные струны затрагивал в ней родной голос, что так трепетно отзывалось в детской душе? Что за наваждение, колдовство?

Позже, когда Татьяну стали записывать на радио, она узнавала те самые непостижимые мамнины нотки, и больше не удивлялась, почему на ее концертах часто вытирают слезы.

На ее рабочем столе в «Гипромезе» — папки со сметами для прокатных цехов металлургических заводов. И причудливая коряга, в которой, если присмотреться, можно увидеть целые три забавные мордашки. И самодельная берестяная вазочка с китайским фонариком, красным перцем и метелкой сухой травы. Милый сплав суровости и поэзии, дела и фантазии.

Так вот она какая, инженер-металлург, заслуженный работник культуры РСФСР Татьяна Алексеевна Журавичка... Ни капли жеманства, ничего от «примы», изнеженной успехом, — естественная, обаятельная, открытая добру. Безотказная: «Это же счастье, что тебя хотят слушать».

— Знаете, я иногда с Танечкой ссорюсь, — пожаловалась мне Лариса Ивановна Алемасова, бывшая солистка Большого театра. — Ну, не испытывая успех, побереги себя — нет, поет, сколько просят.

К песне Татьяна пробивалась стойко. Пела, собственно, всегда, грамотам и благодарностям нет числа. Ее хвалили местные газеты, записывало местное радио. Но мечталось об учебе, глубокой и серьезной.

А жизнь шла своим чередом: окончила техникум по обработке цветных металлов, поступила в Воронежский политехнический институт. Однажды узнала из газет, что старейшие оперные артисты Большого театра открывают в Москве народную певческую школу: после работы при-

ходи и учись, коли есть талант. Приехала.

— У девочки очень красивый тембр, ее надо учить, — высказала свое мнение будущий проректор школы Л. И. Алемасова.

Ну и намаялась же на первых порах новоиспеченная студентка Института стали и сплавов (удалось перевестись из политехнического). Без общежития, без стипендии. Подрабатывала на «Ударнице», перевязывала корочки с зефиром в шоколаде. Диплом спела на отлично.

...Статная женщина в длинном черном платье с просторными рукавами, открытый лоб, загадочный взгляд. Отсюда, из зала, кажется она непостижимо далекой и прекрасной. Так и вертится на языке: «Ужель та самая Татьяна?».

— Ах, Таня, умница, какие краски, — шепчет рядом со мной Лариса Ивановна.

В певческой школе — вечер, посвященный Блоку. Татьяна без конца обновляет репертуар, у нее уже больше трехсот романсов, русских и советских песен. Увлечлась циклами, уже не по одному разу «отпела» Тютчева, Есенина, Фета, Блока.

Я видела финскую газету с фотографией нашей маленькой группы, которую пригласили в гости. Вполне обычный снимок и вполне официальная подпись: кто есть кто. И только одна фраза выбивается: «Чудесная певица Татьяна Журавичка».

Из той же газеты:

«В позапрошлом году Журавичка ездила во Францию. Очарованные слушатели спросили ее, почему она не стала профессиональной певицей и как ей удается совмещать работу инженера с артистической деятельностью».

С ней занимается Л. И. Алемасова, бывшая солистка Большого театра. Ее признал И. С. Козловский. Что же еще надо, чтобы стать «профессионалом» и получать гонорары за концерты?

Им трудно понять, как можно профессионально петь просто из

любви к людям, к песне, можно черпать в этом силы и вдохновение.

— ...Сколько романсов она уже спела? — тревожится Лариса Ивановна. — Скорей бы состоялся концерт: она немного простужена, совсем себя не бережет.

Журавичка щедра и расточительна. Но по-другому жить ей скучно.

Вспоминает поездку на БАМ, давнюю, когда все только начиналось:

— Дали за десять дней двадцать концертов. Приезжаем поздно вечером, взбираемся на открытый грузовик, на нас наставляют фары — и сцена готова. А перед нами на сопке зрители. Какие люди! Ведь устали, кое-кто на ходу засыпает, а пришли.

Днем сорокаградусная жара, вечером зябко. А платье концертное, а голос перепада температуры не любит.

...С концерта мы возвращались вместе. Подморозило, дул резкий ветер, но Татьяна не отворачивалась, не прятала лицо в шарфик, говорила напористо, убежденно:

— Я просто не терплю долго петь одно и то же, верите ли, от скуки слова забываю. Если уж жалко старую песню, надо ее на время забыть, а потом исполнить по-новому.

— Таня, что для вас песня — отдых или работа?

— Жизнь. На сцене я — настоящая. Пою потому, что не петь не могу.

Мы попрощались. Татьяна с сыном Алешей спешили в «Детский мир» — купить новую клюшку.

А я вспомнила слова Ивана Семеновича Козловского: «Татьяна Алексеевна Журавичка обладает голосом необычайной красоты, где мысль со звуковедением убедительно и прекрасно соединены». От такой похвалы может и голова закружиться.

Только не у нее...

Н. ЗВОНАРЕВА.